

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА*

С.А. НИЖНИКОВ

Гуманизм северо-атлантической цивилизации вырождается в свою противоположность, — эту мысль А.И. Солженицын высказал в своей «Речи в Гарварде на ассамблее выпускников университета»: ради прекраснодушных идей начинают приноситься в жертву люди и целые народы; ранее — в виде сталинизма и фашизма, сейчас — в виде распространения «демократии» госдепартаментом США при помощи бомбардировок. Еще до последних событий в Югославии, Ираке и Ливии Солженицын отмечал, что «демократии умеют действовать фашистскими методами»¹. Одним словом, прогресс требует жертв, и все больших и больших.

Гарвардская речь писателя вызвала шквал откликов в зарубежной прессе, которые были в основном отрицательными. От него ждали апологетики западного образа жизни и проводимой Западом геополитики, а встретили ясный и глубокий нелицеприятный анализ, продолживший критическую традицию русской метафизической философии еще со времен старших славянофилов. Оказалось, что у писателя есть свои ценности, и они имеют тысячелетние истоки в русской православной культуре.

Как пишет Коринн Марион, Солженицын немедленно был обвинен в антизападничестве, так как «он осмелился критиковать наш священный либерализм и вслух высказывать, что, может быть, вовсе и не существует одной единственной совершенной системы, будь то даже система демократическая. Запад, подобно Сирано, очень любит сам себя критиковать — и, как правило, весьма снисходительно, — но не любит, когда кто-то другой оказывает ему эту услугу». Французская исследовательница отмечает, что Солженицын «оказывается наследником той группы интеллектуалов, часть которой сотрудничала с “Вехами”... Революция и советский режим уничтожили это направление мысли. Тем не менее оно отнюдь не погребло, но вновь возникло в наши дни, как потаенный источник». Вместе с тем К. Марион утверждает, что «речь в Гарварде — это не антизападный памфлет», и что «в нашей постмарксистской ситуации русские мыслители, и особенно Солженицын, нас опережают: будущее за ними»².

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Философское осмысление за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: направления, школы, центры», грант № 12-03-00029а.

Тем не менее, как отмечает Эдвард Э. Эриксон, «уже через несколько месяцев после прибытия Солженицына на Запад в реакции на эту фигуру стал преобладать негатив». Связывает он это со многими обстоятельствами, и с тем, что он создал род литературы, который не вписывался в существовавшие жанры, и с тем, что он «не принимал морального релятивизма своего времени», и с тем, что он «оскорбил чувства западных либералов, и с тем, что в его творчестве обнаружилась «неприкрытая религиозная тенденция» и «морализаторский тон». Другой зарубежный исследователь творчества Солженицына, — Даниел Дж. Махони, — отметил, что писатель является на Западе «одной из самых оклеветанных и непонятных фигур», что «трудно представить себе другого выдающегося мыслителя, чьи мысли и личность за последние тридцать лет подвергались бы столь же злостному извращению и поношению»³. И так обстоят дела не только на Западе, но во многом и на родине великого писателя. «Приходится только удивляться, — отмечает М. Кураев, — как много сил тратится на защиту от Солженицына, на обсуждение его заблуждений... Опасности Солженицын не несет, опасность в нас, не способных услышать и понять глубокого мыслителя, искреннего и бескорыстного защитника своего Отечества и народа, великолепного, открытого в своих сокровенных движениях души человека»⁴. Вместе с тем, как утверждает Махони, Солженицыну, по силе воздействия на политическую жизнь XX в., «нет равных среди писателей»⁵.

В «Речи в Международной Академии Философии» (Лихтенштейн, 14 сентября 1993 г.) Солженицын специально останавливается на критике идеи техноцентрического прогресса, выдвигая следующие аргументы: «не может происходить безграничный Прогресс в ограниченной земной среде»; «нравы наши не смягчились с прогрессом, как было обещано. Не приняли в расчет только-то и всего — человеческую душу». Далее идут «неограниченные потребности», «безграничное накопление собственности», «океан поверхностной информации и низкопробных зрелищ», «все ниже духовное и культурное развитие». В результате: «мы — перестали видеть *Цель*»⁶. Прогресс без моральной цели для писателя — величайшее рационалистическое заблуждение⁷.

Следующие идеи, подвергшиеся критике в творчестве писателя, это *просвещенческий рационализм* западного гуманизма и его *секулярный антропоцентризм* — «догматы идолопоклонства перед человеком и человечеством», когда «религия заменена верой в научный прогресс»⁸. Эта *гуманистическая автономность* и приводит западный мир, а за ним и другие страны, к духовному кризису, являющемуся основанием и кризиса всех сторон общественной жизни. Из односторонности Средних веков мир бросился в другую крайность — бездуховную вседозволенность и распущенность. Особенно писатель раскритиковал

западную прессу, обвиняя ее в безответственности, отсутствии самокритики и нетерпимости к критике⁹.

Материализация именно этого гуманизма оправдывала как социализм, так затем и коммунистическую идеологию, а сегодня либеральный экстремизм. А. Солженицын цитирует Маркса 1844 г.: «коммунизм есть натурализованный гуманизм»¹⁰. Именно «развитие материалистического взгляда на мир, которое бурно пошло с XVIII в., — по мнению Солженицына, — и породило такое племя — людей, одержимых идеями, для воплощения которых годятся, по их мнению, любые самые жестокие средства»¹¹. Писатель, отталкиваясь от исследований отечественных мыслителей, глубже, чем Ханна Арендт, обнаруживает истоки тоталитаризма — «происхождение тоталитаризма отнюдь не из авторитарных систем, существовавших веками и никогда не дававших тоталитаризма, но — из кризиса демократии, из краха безрелигиозного гуманизма»¹². Этот гуманизм, «утерявший христианское наследие», возомнивший, что «правды нет и выше», мерою всех вещей сделавший несовершенного человека, ведет мир вначале к бездуховности, а затем и как следствие — к катастрофе¹³. Технический прогресс для писателя «не есть прогресс человечества как таковой», так как он осуществляется одновременно с «выветриванием обязанностей и расширением прав», «моральным выветриванием ценностей»¹⁴. Но гуманизм не может быть без духовных ценностей.

Уже в эпоху СССР Солженицын отметил, что «Западный мир потерял общественное мужество», что дееспособность и моральный авторитет ООН падает. Он подверг критике одновременно как правовой нигилизм на Востоке, так и бездушный юридизм («юридический эгоизм») западных обществ, торжествующую в них «свободу безответственности», особенно журналистской, зачастую приводящий к разгулу зла. Он делает вывод, что «безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей». Формально цензуры вроде бы нет, но на деле «осуществляется придиричивый отбор мыслей» в «угоду массовым стандартам»; «так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век»¹⁵.

Проанализировав состояние западного общества, Солженицын в 1978 г. сделал вывод, что «для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашею страной в этом веке, — западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой»¹⁶. Солженицын мыслит эсхатологически, предсказывая наступающую «космическую борьбу» за планету, в то время как политики и мыслители успокаивают себя политкорректностью и заведомо признают политику вне морали (Джордж Кеннан, например).

Оценивая творчество писателя выдающийся православный мыслитель, преподаватель Свято-Сергиевского православного богословско-

го института в Париже, а затем декан Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке протоиерей Александр Шмеман (1921 – 1983), лично глубоко общавшийся с Солженицыным, называет его явлением новым, коренным образом меняющим сам воздух русской литературы, с чего начинается ее новый период, так как Солженицын «не принадлежит к представителям или эпигонам Серебряного века». Принадлежа советской реальности, он вместе с тем и полностью *от* нее и даже *в* ней *свободен*, он является «первым национальным писателем советского периода русской литературы», «великим *русским* писателем»¹⁷. «Его сокровище, – продолжает Шмеман, – Россия и *только* Россия...» Роль Солженицына – «восстановить правду о России, раскрыть ее самой России и тем самым вернуть Россию на ее изначальный путь. Отсюда напряженная борьба с двумя кровными врагами России – марксизмом (квинтэссенция Запада) и “образованщиной”» (12.05.75)¹⁸. Солженицын – «Носитель – не культуры, не учения. Нет. *Самой* России» (30.05.74).

Перу Шмемана принадлежит одна из лучших статей, посвященных творчеству писателя – «Зрячая любовь», впервые опубликованная в Вестнике РСХД (1971. № 100) в Париже. Роман «Август 1914» Шмеман называет «плачем по России», «прорывом в какую-то глубину», к истине. Это «новый праздник русской литературы, новое торжество России. Что в такое время есть у России такой писатель...» Солженицына он называет «русской совестью»¹⁹. «Таковыми, – продолжает он, – наверное, были пророки. Это отметание всего второстепенного, сосредоточенность на главном. Но не “отвлеченная”, не “идейная”, а жизненная... Живя с ним... чувствуешь себя маленьким, скованным благополучием, ненужными заботами и интересами. Рядом с тобою – человек, принявший все бремя служения, целиком отдавший себя, ничем не пользующийся для себя. Это поразительно... Его вера – горами двигает!» (30.05.1974). Согласно Эдварду Э. Эриксону, «Шмеман владел языком теологии, позволившим ему артикулировать то, чего не мог сам Солженицын»²⁰. По высказываниям самого писателя, статья Шмемана «сформировала важные черты христианства, которые я не мог сформулировать», она «объяснила мне самого себя»²¹.

Сам Шмеман не мог принять ни «правых», ни «левых», осознавая «нарастающий крах западного мира». Первородный грех демократии он видел в ее «органической связи с капитализмом», в том, что последний саму свободу превращает в «свободу наживы»: «Порочный круг западного мира. Демократия без “нравственного этажа”». Шмеман, соглашаясь с Солженицыным, писал: «Разваливают демократии, в сущности, не идеологии, а *экономика* индустриализации, непрерывного роста и соответствующее перерождение общества» (4.03.74). Проблема современного мира состоит в том, что «нет, до ужаса нет – “третьей идеи”» (7.10.74). Шмеман признает правду Солженицына, его

рецептов раскаяния и самоограничения, но тут же поясняет, что «это требует духовной революции, для которой в теперешнем человеческом сознании нет решительно никаких предпосылок... Мы живем в шизофрении...» (18.11.74), в эпоху «бунтующих рабов, сменившую эпоху высокого “послушания” свободных людей» (29.04.75).

Отвечая на вопрос о том, что его сравнивают с Достоевским и Толстым, Солженицын ответил: «Я испытываю очень большое и уважение и родство с обоими, хотя в разном. К Толстому я ближе по форме повествования, по форме подачи материала, по множеству лиц, реальных обстоятельств. А к Достоевскому я ближе по старанию понять духовную, человеческую сторону процесса истории. Но оба они для меня учителя, конечно, оба»²². Добавим, однако, что в идейном отношении Солженицын был критиком Толстого, а в Достоевском ценил остроту, глубину, современность и провидчество²³. Но это не мешало ему ценить Толстого как великого писателя, повлиявшего на его творчество. В своих интервью он признается, что замысел *Красного колеса* был связан именно с прочтением Толстого: «Влияние («Войны и мира». — С. Н.) было в том, что я, уже в восемнадцать лет, задумал свои Узлы»²⁴. Солженицын вспоминает, что, прочитав впервые роман в десятилетнем возрасте, «личных линий совсем не понял, но совершенно был захвачен этой композицией и историческими сценами»²⁵. Видимо, отталкиваясь от откровений о человеке Достоевского, Солженицын пишет о поверхностности гуманистического сознания, не признающего в человеке внутреннего зла и сводящего все его мечты к земному благополучию, материальным потребностям.

А.И. Солженицын подвергает критике как макиавеллизм — этот зрелый продукт возрожденческого гуманизма — так и наивно-просветительское непротивленчество, расцветшее в позднем творчестве Л. Толстого. В основе последнего — упрощенное представление о человеке: антропоцентрическо-просветительно-рационалистическое. Уже в первом томе «Красного колеса» Солженицын описывает встречу одного из его персонажей, Саши Лаженицына, увлеченного толстовством, с самим писателем. Между ними состоялся примечательный разговор. На вопросы Саши Толстой ответил хрестоматийными истинами — необходимо служить добру и любви ради установления Царства Божия на земле. Но Саша, хотя человек и молодой, но уже сомневается в действенности такой прямолинейности и максимализма.

Лев Толстой предлагает пацифизм, т.е. любовь через отказ от противопоставления злу силой. А чем же тогда противостоять злу? Или оно само собой рассосется? Толстой по-просветительно наивно верил в добрую природу человека, идеализировал ее: стоит перестать сопротивляться, стоит только призвать всех к добру, и оно сразу же воцарится. Уже И.А. Ильин показал пагубность и аморализм данной

идеи, продолжает ее избочивать и Солженицын — «скольких мужских характеров этот Толстой перепортил»²⁶, — говорит он языком Вари Матвеевой. И у его персонажа, Саши, поэтому также продолжают возникать вопросы:

« — Что до меня — я так и хочу, через любовь! Я так — и буду. Я так и постараюсь жить — для добра. Но вот еще, Лев Николаевич! Само-то д о б р о! как его понять? Вы пишете, что разумное и нравственное всегда совпадают...

Приостановился пророк, мол — да. И острием палки чуть посверлил в твердой земле.

— Вы пишете, что добро и разум — это одно, или от одного? А зло — не от злой природы, не от природы такие люди, а только от незнания? Но, Лев Николаевич, — духа лишился Саня от своей дерзости, но и своими же глазами он кое-что повидал, — никак! Вот уж никак! Зло — и не хочет истины знать. И клыками ее рвет! Большинство злых людей как раз лучше всех и понимают. А — делают. И — что же с ними?..».

Но Толстому все нипочем:

« — Значит плохо, недоступно, неумело объясняют. Терпеливо надо объяснять. И — поймут. Все рождены — с разумом.

И, расстроенный, пошагал с палочкой.

А Саня — стоял...»²⁷

Так и не смог он открыть у великого писателя кратчайшего пути: как ему служить Царству Божьему на земле. И не смог он отсиживаться в глубинке, не мог не отозваться на войну добровольцем. Вместе с тем именно в бездеятельности и нерешительности Николая II обнаруживает Солженицын главный порок русского трона²⁸.

Помимо непротивленчества не приемлет Солженицын у Толстого и его понимание роли личности в истории. Анализ Солженицыным исторических событий убеждает в другом, и он хочет «держаться к историкам ближе, а от романистов подальше». Осознав всю бездарность некоторых генералов русской армии, он сделал вывод, противоположный автору «Войны и мира»: «И тут бы утешиться нам толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями, — да слишком много раз показал нам XX век, что именно они»²⁹. Дональд У. Тредгольд, сравнивая солженицынский «Август Четырнадцатого» с произведением Толстого, называет его «анти-«Война и мир»», так как в нем автор «Красного колеса» решительно развенчивает историческую концепцию Толстого. «Август Четырнадцатого» показывает, как личность может менять ход событий...» Американский историк и славист называет первый том эпопеи Солженицына «неким вызовом, брошенным Толстому»³⁰. Как отмечает Ричард Темпест (США), «Толстой тайно и явно присутствует в тексте «Красного Колеса» буквально с первых страниц и даже пер-

вых абзацев. Причем, когда речь в эпопее заходит о его взглядах на церковь, историю, военное дело, повествование неизменно обретает полемический или иронический тон. Солженицын оспаривает Толстого на всем протяжении эпопеи»³¹.

Интересна в этом отношении оценка философом А.Ф. Лосевым творчества обоих писателей: «Я думаю, Солженицын лучше Толстого... Толстой, конечно, тоже хорошо описывал, но у него не было чувства всемирного катастрофизма. А у Солженицына оно есть... Мережковский в книге “Толстой и Достоевский” пишет, что Толстой гениален в изображении страстей тела, а Достоевский в изображении страстей души и ума. А вот это уже я, Лосев, говорю: Солженицын гениально изображает страсти социальные. И в этом ему конечно помогает его время такое ужасное»³². Можно указать и еще на одно принципиальное отличие Солженицына от Толстого: если первый был осознанным патриотом, то второй космополитом и абстрактным гуманистом, но именно последнее и критиковал Солженицын. Если в «Войне и мире» Толстой выступает как пророк и провидец, мудрец, которому открылись тайны истории, то Солженицын отказывается от этого всеведения, — он полифоничен³³, в его текстах мы даже можем обнаружить постмодернистскую «смерть автора». И вместе с тем автор присутствует в каждом слове голосами своих героев. Но нет у него героя определенного и только одного.

Как и Достоевский, А.И. Солженицын выступил бескомпромиссным критиком всякого революционного насилия: «Революция — огромное космическое Колесо, подобное галактике, закрученной спиральной галактике. Огромное Колесо, которое начинает разворачиваться, — и все люди, включая и тех, которые начинали его крутить, становятся песчинками. Они там и гибнут во множестве. Это грандиозный процесс, его невозможно остановить, если он уже начался»³⁴. Символ красного колеса примечателен в творчестве А.И. Солженицына, он же проходит основной идеей одноименной эпопеи. Уже в первом ее томе мы находим этот символ, определяющий Первую мировую войну, а затем большевистскую революцию и Гражданскую войну.

Этот маховик насилия с наибольшей силой передан в символе горящей ветряной мельницы, которую наблюдал из фронтового окопа главный герой произведения — Воротынец:

Горит ветряная мельница!
 Мельница занялась!
 ...мельница пылает! Не разрушена снарядом,
 а целю схвачена огнем...
 И почему-то крылья — от струй ли горячего воздуха? —
 еше не развалюсь, начинают медленно,

Медленно,
Медленно кружиться! Без ветра, что за чудо?
Станным обращением движутся красно-
золотистые радиусы из одних ребер –
Как катится по воздуху огненное колесо.
И – разваливается,
разваливается на куски,
на огненные обломки³⁵.

Там разваливался довоенный мир, вера в прогресс и гуманизм. Так разваливалась Россия.

И вот еще один «экран», как назвал эти вставки писатель:

Раскатился зарядный ящик – люди прыгают прочь.
Чистая стала дорога от людей,
только набросанное топчут лошади,
перепрыгивают, переваливаются колеса...
И лазаретная линейка – во весь дух!
и вдруг – колесо от нее отскочило! Отскочило на ходу –
и само! обгоняя! покатило вперед!
колесо!! все больше почему-то делается,
Оно все больше!!
Оно во весь экран!!!
КОЛЕСО! – катится, озаренное пожаром!
самостийное!
неудержимое!
все давящее!³⁶

В одном из своих интервью Солженицын указывает также на то, как интеллигентский пацифизм привел к массовому террору в России, и как это происходит зачастую до сих пор:

«Не вся интеллигенция российская была захвачена идеей насилия, нет. Только самое крайнее левое крыло революционеров. Но характерно, что либеральная интеллигенция российская никогда не осмеливалась осудить террор. Основатель кадетской партии Петрункевич сказал: “Осудить террор было бы моральным самоубийством нашей партии”. И это одна из черт, которая повторяется в Европе XX в. Об интеллигенции XX в., европейской или американской, не скажешь, что она заражена идеей насилия или террора, нет. Но она не смеет послать проклятье. Она не смеет остановить, сказать: “Стойте! Не делайте такого!” И вот это поощряет террор. Повторяется та же ситуация: какая-то малая кучка насильников нападает, а образованные, умные люди не смеют этого остановить и больше всего боятся упрека с левой стороны. Чтобы только тебя не обругали слева!»³⁷

И в десятом томе, на последней странице основного изложения «Красного колеса» читаем: «А вот уже: прославленная Тройка наша — скатилась, пьяная, в яр — и уткнулась оглоблями в глину»³⁸.

Красное колесо не завершило свой бег Гражданской войной, оно продолжилось в репрессиях 30-х. Оценивая 90-е гг. писатель символически определил их как «Желтое колесо»: «Так, лишь через полвека я добрался до истинной сути и психологии деятелей 1917 года — и написал эпопею “Красное колесо”. Я думаю: пройдет время — и другой русский писатель, хорошо ознакомившись со всеми тайнами десятилетия 1985 — 1995, напишет о нем другую эпопею — “Желтое Колесо”»³⁹.

И тогда, в начале прошлого века, и в конце его произошла, прежде всего, идеологическая катастрофа, за которой последовали и все остальные. Мы оказались идеологически несостоятельны. Именно интеллигенция, общественные мыслители и философы должны выполнять в обществе разработку идеологических концептов. То, что описывает А. Солженицын в «Красном колесе», характерно для начала XX в., однако то же мы наблюдаем и в конце XX — начале XXI. Американский исследователь Ричард Темпест отмечал: «Очень любивший Россию писатель призывает и своих читателей любить ее... А в двадцать первом веке России будет очень нужна любовь»⁴⁰. Без любви же все тщетно. Именно она, в соединении со знанием, может спасти Россию от повторения старых ошибок на новом этапе развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Солженицын А.И.* Выступление по английскому радио // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2001. С. 192.

² *Марион К.* Кто боится Солженицына? // *Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974 — 2008: Сб. ст. / сост. и авт. вступ. ст. Э.Э. Эриксон, мл. — М.: Русский путь, 2010. С. 169, 170, 171.*

³ *Эриксон Э.Э., мл.* Солженицын, западные критики и вопросы мировоззрения // *Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974 — 2008. С. 6, 7 — 8.*

⁴ *Кураев М.* Солженицын и мы // *Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918 — 2008. — М., 2009. С. 357.* О причинах неприятия творчества и личности Солженицына см. статью Ренаты Гальцевой «Солженицын: пророческое величие» (*Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918 — 2008. С. 359 — 378*).

⁵ *Махони Д.Дж.* Солженицын — мыслитель // *Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974 — 2008. С. 30.*

⁶ *Солженицын А.И.* Мы перестали видеть Цель // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 8. — М., 2005. С. 99 — 100.

⁷ *Солженицын А.И.* Прямая линия в «Комсомольской правде» (15 апреля 1996 г.) // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 8. С. 374.

⁸ *Солженицын А.И.* Образованщина // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. С. 102.

⁹ См.: *Солженицын А.И.* Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. С. 470 – 495.

¹⁰ Цит по: *Солженицын А.И.* Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета (8 июня 1978) // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. С. 252.

¹¹ *Солженицын А.И.* Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989). С. 481.

¹² *Солженицын А.И.* Сахаров и критика «Письма вождям» // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. С. 173.

¹³ *Солженицын А.И.* Речь в Гарварде... С. 252 – 253.

¹⁴ *Солженицын А.И.* Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989). С. 492 – 493.

¹⁵ *Солженицын А.И.* Речь в Гарварде... С. 239, 245.

¹⁶ Там же. С. 246 – 247.

¹⁷ *Шмеман А.* О Солженицыне // *Шмеман А.* Собрание статей. 1947 – 1983. – М., 2009. С. 760 – 763.

¹⁸ Здесь и далее ссылки на «Дневники» Шмемана приводятся в тексте в скобках, где указывается дата записи (*Шмеман А.* Дневники. – М., 2007).

¹⁹ *Шмеман А.* Зрячая любовь // *Шмеман А.* Собр. статей. 1947 – 1983. С. 772 – 773, 774.

²⁰ *Эриксон Э.Э., мл.* Солженицын, западные критики и вопросы мировоззрения. С. 10.

²¹ Цит. по: там же. С. 9 – 10 (Эриксон цитирует Письмо А.И. Солженицына // Новое русское слово. 1971. 9 авг.)

²² *Солженицын А.И.* Публицистика. В 3 т. Т. 3. – Ярославль, 1997. С. 335.

²³ *Солженицын А.И.* Интервью на литературные темы с Н.А. Струве (Париж, март 1976) // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. С. 226.

²⁴ Из интервью Хилтону Крамеру в 1980 г. На этот факт указывает и А. Шмеман: «...»толстовство» Солженицыну ближе, чем Достоевский с его метафизикой» (*Шмеман А.* Дневники. 1973 – 1983. – М., 2007. С. 191). «Имя Толстого не случайно, конечно, проходит через весь роман, – пишет в другом месте о. Шмеман по поводу романа «Август Четырнадцатого», – да и почти начинается он с появления яснополянского пророка. Имя Достоевского не названо, правда, ни разу, однако не менее явственно присутствие и действие в романе и тех умонастроений, и той «тональности», которые, правильно или неправильно, оказались связанными в русском сознании с пророком Пушкинской речи и «Дневника писателя»» (*Шмеман А.* Зрячая любовь. С. 774).

²⁵ *Солженицын А.И.* Интервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 226.

²⁶ *Солженицын А.И.* Красное колесо. – М., 1993. Т. 1. С. 15.

²⁷ Там же. С. 23 – 24.

²⁸ *Солженицын А.И.* Размышления над февральской революцией (1890 – 1983) // *Солженицын А.И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 7. С. 400 – 404, 414, 406.

²⁹ *Солженицын А.И.* Красное колесо. С. 40, 379.

³⁰ *Тредгольд Д.У.* Интеллектуальные предшественники Солженицына // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974 – 2008. С. 246.

- ³¹ Темпест Р. Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне. – М., 2005. С. 402.
- ³² Цит по: Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. – М., 2004. С. 114.
- ³³ Стываковский П. Полифоническая картина мира // Между двумя юбилеями... М., 2005. С. 423.
- ³⁴ Солженицын А.И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989). С. 474.
- ³⁵ Солженицын А.И. Красное колесо. С. 207, 224 – 225, 260.
- ³⁶ Там же. С. 318.
- ³⁷ Солженицын А.И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989). С. 473.
- ³⁸ Солженицын А.И. Красное колесо. – М., 1997. Т. 10. С. 554.
- ³⁹ Солженицын А.И. Желтое колесо (Интервью еженедельнику «Аргументы и факты» 18 января 1995) // Солженицын А.И. Собр. соч. В 9 т. Т. 8. С. 281.
- ⁴⁰ Темпест Р. Солженицын – писатель XXI века // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918 – 2008. – М., 2009. С. 290.

Аннотация

В статье анализируются социально-политические воззрения А.И. Солженицына на основе его публицистики и главного произведения жизни – «Красного колеса». Показана критика им просветительского рационализма, поверхностного гуманизма и бездуховности технократической цивилизации. Вскрыта символика «Красного колеса», через призму которой писатель анализирует события начала и конца XX в.

Ключевые слова: просветительский рационализм, гуманизм, демократия, идеология, прогресс, макиавеллизм, насилие, ненасилие, интеллигенция, секулярный антропоцентризм.

Summary

The article analyzes A.I. Solzhenitsyn's sociopolitical views on the basis of his political essays and his magnum opus – *The Red Wheel*. It shows the Solzhenitsyn's critics of enlightenment rationalism, superficial humanism and spiritual impoverishment of a technocratic civilization, discovers opens the symbolism of *The Red Wheel* through the prism of which the writer analyzes events of the beginning and the end of the 20th century.

Keywords: enlightenment rationalism, humanism, democracy, ideology, progress, Machiavellianism, violence, nonviolence, intelligentia, secular anthropocentrism.